

“... ИМЭМО ВНЕС ОЧЕНЬ БОЛЬШОЙ ВКЛАД В ... ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ, В ПРИДАНИЕ ЕЙ НАУЧНЫХ ОСНОВ”

(Интервью Е.С. ХЕСИНА)

© 2016 г.

Предлагаем вниманию читателей интервью с Хесиным Ефимом Самуиловичем, доктором исторических наук, профессором, главным научным сотрудником Центра европейских исследований ИМЭМО РАН, которое он дал младшему научному сотруднику института А. Невской.

Ефим Самуилович, Вы один из “старожилов” ИМЭМО, и, наверное, знаете практически всех, кто когда-то здесь трудился. Вы были знакомы и с Е.М. Примаковым, который ушел от нас в прошлом году. В связи с этим не могу не спросить у Вас, каким он остался в Вашей памяти? Как вы познакомились и как работали вместе с ним?

Впервые Евгения Максимовича я увидел в 1962 г. Он стоял у доски объявлений на первом этаже нашего института, находившегося тогда на 2-й Ярославской улице недалеко от станции метро “ВДНХ”. Смотрю – стоит человек небольшого роста, довольно плотный, незнакомый. Спросил, кто это, – мне ответили, что это Е. Примаков, который только что вернулся с Ближнего Востока, и он будет участвовать в конкурсе на замещение должности старшего научного сотрудника. В должности старшего научного сотрудника Е.М. Примаков работал несколько месяцев и вернулся в Институт уже спустя много лет в качестве заместителя директора.

Уже будучи директором Института, Евгений Максимович приглашал меня участвовать в так называемых “мозговых атаках” – это такой новый и, как оказалось, чрезвычайно конструктивный формат обсуждения – свободных дискуссий, в которых участвовали 10–12 специалистов, без заранее записавшихся докладчиков и выступающих в прениях. Состав участников каждый раз был разный. Обсуждались острые теоретические или практические проблемы развития мировой экономики и политики. Помню обсуждение транснационализации производства в мире, роли транснациональных корпораций в развитии экономики. Через несколько дней после этого в “Правде” появилась статья Е.М. Примакова – “Транснационализация производства и капитала”.

Сегодня научные проблемы в Институте активно обсуждаются на заседаниях Ученого совета, творческом теоретическом семинаре Н.И. Ивановой, заседаниях Центра ситуационного анализа, если не ошибаюсь, созданного Е.М. Примаковым и руководимого В.Г. Барановским. Тем не менее может быть имеет смысл возобновить и формат “мозговых атак”.

С Е.М. Примаковым я неоднократно бывал в Великобритании. В течение многих лет проводились “круглые столы”, организованные нашим институтом и Королевским институтом международных отношений (*Chatham House*). Всю подготовку семинаров с нашей стороны вел О.Н. Быков. А делегацию обычно возглавлял директор института, и в те годы, когда им был Е.М. Примаков, он руководил нашей делегацией.

Помню, когда был создан Институт Европы, мне позвонил его директор, В.В. Журкин, и пригласил работать в свой институт. Никуда переходить я не собирался, но мне трудно было сказать “нет”. И буквально на следующий день Евгений Максимович встретил меня и говорит: “Вот Виталий сказал, что Вы хотите перейти в Институт Европы”. Я ответил: “Нет, никуда я не пойду”. И Примаков поддержал меня в решении остаться в ИМЭМО.

Последний раз я увидел Евгения Максимовича здесь, в ИМЭМО, в канун 2014 г. Евгений Максимович всегда приходил на новогодние встречи, организованные А.А. Дынкиным, и только в последний год по состоянию здоровья прийти не мог. Тогда я ему сказал: «Знаете, Евгений Максимович, я тут как-то стоял на остановке автобуса у метро “Речной вокзал”, и там пожилая женщина говорила, что вот если бы президентом был Примаков...» На что он ответил: “Ну, это я часто

слышу. Не надо, это неправильно может быть понято”.

С кончиной Е.М. Примакова мы потеряли очень многое. Потеряли просто хорошего, очень доброжелательного, открытого, демократичного человека. Сейчас такие люди редкость.

Вы работаете в ИМЭМО со времени его основания в 1956 г., и весь Ваш путь в науке связан с этим институтом. После окончания МГИМО Вы сразу пришли сюда. Как Вы приняли это решение?

В начале лета 1956 г., вскоре после окончания МГИМО, я узнал о создании Института мировой экономики и международных отношений. Научной работой я занимался еще в вузе, который закончил с красным дипломом и рекомендацией в аспирантуру (правда, не в мгимовскую). Помог мне устроиться на работу один из наших знакомых, работавший в Институте экономики, на базе одного из подразделений которого создавался ИМЭМО. 2 октября 1956 г. был подписан приказ о моем зачислении на должность старшего научно-технического сотрудника.

В то время классификация сотрудников была не такой, как сейчас: научно-технический и старший научно-технический сотрудник, младший и старший научный сотрудник. Кстати говоря, техническую работу выполняло и большинство младших научных сотрудников. Если вы попадали на выучку к хорошему старшему научному сотруднику, то за год-полтора могли многому научиться. Не знаю, хорошо ли это. В настоящее время выпускники вузов сразу начинают заниматься самостоятельной научной деятельностью, пишут статьи, книги. Когда знакомишься с их трудами, часто чувствуется отсутствие школы, системы знаний.

Сложно ли было попасть в ИМЭМО? Известно, что Институт считался весьма престижным местом работы.

Когда я заканчивал МГИМО, об ИМЭМО мало кто знал. А наиболее престижной считалась работа в ЦК КПСС, ЦК комсомола, в МИДе, в КГБ, в журналистике, которая в значительной степени была разновидностью деятельности КГБ (как выяснилось позже, на наших встречах однокурсников через много лет). Хотя об ИМЭМО на Западе тоже было весьма оригинальное представление.

В феврале 1974 г. я находился в командировке в Глазго – меня попросили прочитать лекцию в университете. Накануне меня к себе пригласил стажировавшийся в нем американец. Надо сказать, что там, где я жил, в полуподвальном помещении викторианского дома, было очень холодно.

И я пошел к этому американцу, потому что там можно было хотя бы погреться. Не знаю, случайно ли он меня позвал в этот вечер или нет. Дело в том, что когда я к нему пришел, по второму каналу “Би-Би-Си” шла передача о КГБ. Говорилось, что это огромная империя. Далее перечислялись организации, которые в нее входят. Первая – это Комитет по делам религий при Совете министров СССР, а вторая – Институт мировой экономики и международных отношений РАН. Мне на следующее утро предстояло читать лекцию, и я понимал, что вопрос о принадлежности ИМЭМО к КГБ непременно возникнет. На следующий день утром включил радио и узнал, что из СССР выдворен Солженицын – значит, будут еще вопросы. Так и получилось. Прихожу на лекцию – мне тут же задают вопрос о передаче “Би-Би-Си”, мол, действительно ли Ваш институт является филиалом КГБ? Если бы я не был у этого американца, сказал бы, что ничего не видел и не знаю. Но поскольку он присутствовал на лекции, то я сказал, что видел передачу и что я действительно сотрудник КГБ, капитан или что-то в этом роде. Больше такого рода вопросов мне не задавали.

Основная тема Ваших исследований, кандидатской и докторской диссертаций связана с Великобританией. И в дальнейшем Вы продолжали анализировать, отслеживать события в этой стране. Расскажите, почему Вы выбрали для изучения именно Великобританию?

Есть две основных причины. Еще в МГИМО всех, у кого был первый язык английский, разделили на страновые группы. Я попал в английскую группу и занимался изучением экономики и политики Великобритании. А когда я пришел сюда, то в это время фактически формировалась структура института. И я узнал, что один из секторов института называется “Сектор Великобритании и стран Британской империи”. И поскольку у меня были какие-то знания по Англии, я пошел к заведующему этим сектором И.М. Лемину, и он меня взял. Не жалею, естественно, об этом, и о том, что не стал заниматься Румынией, так как второй иностранный язык у меня был румынский. Моя дипломная работа в МГИМО называлась “Нефтяная промышленность Румынии”. Но вот так получилось, что всю жизнь я занимался Великобританией. Я долго заведовал сектором, который назывался “Сектор Великобритании и стран Северной Европы”.

Наш второй директор – Н.Н. Иноземцев – очень серьезный и основательный человек, как-то мне сказал: “Ты понимаешь, что твое положение в Институте зависит от места Великобритании

в мире?”. Это прозвучало как шутка, но потом я увидел, что это действительно так. Сегодня, например, когда Китай выходит на передовые позиции в мире, китайцы занимают в Институте все более видные позиции.

Тема Великобритании в СССР, наверное, была особой. Англия всегда считалась одним из оплотов капиталистического мира, и ее исследования, вероятно, были связаны с идеологическими моментами. Насколько это чувствовалось в Вашей работе и мешало ли? Как Вам удавалось соблюдать баланс между объективностью и идеологией?

Великобританию отличало от всех других стран то, что это колониальная империя. И одна из идеологем состояла в том, что Великобритания – это оплот мирового колониализма. Конечно, нужно было учитывать это обстоятельство. Все события, происходившие в стране, следовало рассматривать сквозь призму колониализма, хотя далеко не всегда в этом была необходимость. Легче стало после того, как у нас вышла коллективная монография “Распад Британской империи”. А в принципе мы все находились примерно в одном и том же положении. Как экономисты, мы использовали в качестве основы своих исследований марксистско-ленинскую политэкономия – и здесь было много идеологем, которые мешали работе.

И, очевидно, это сказывалось не только на исследованиях по британской проблематике? И как Институту удавалось преодолевать эти идеологические препятствия?

Конечно, влияние идеологического фактора было повсеместным. Например, я помню, что первое задание, которое я получил в Институте – проверить данные и источники подготовленной тогда одним автором рукописи “Положение сельскохозяйственных рабочих в Соединенных Штатах”. Я пошел в библиотеку, сравнил данные источников, на которые ссылался автор, и приведенные в рукописи, и обнаружил – ничего общего. Я решил, что вообще ничего не понимаю, и, может быть, первое мое задание – оно же и последнее. И когда сообщил автору о несовпадении данных, он снисходительно посмотрел на меня и сказал: “Ничего, все в порядке”. А дело заключалось в том, что одно из общепринятых теоретических положений, которыми руководствовались наши экономисты в то время, гласило: в мире происходит абсолютное обнищание трудящихся, постоянное снижение их жизненного уровня. Прочитанная мною рукопись должна была лишь проиллюстрировать этот тезис. Но поскольку реальные цифры не свиде-

тельствовали об ухудшении положения, то автор просто “создал новую действительность”.

Нужно сказать, что ИМЭМО внес очень большой вклад в развенчание многих установок того времени, деидеологизацию общественной мысли, в придание ей научных основ. Так, благодаря исследованиям Института наша экономическая наука отказалась от теории абсолютного обнищания. Преобладающей стала концепция относительно обнищания. Сегодня все это кажется наивным. Однако в то время это был большой шаг вперед. Смысл нового взгляда заключался в том, что трудящиеся могут жить и лучше, их заработная плата может увеличиваться, но прибыль капиталистов растет еще быстрее. То есть в национальном доходе происходит увеличение доли прибыли и уменьшается удельный вес заработной платы.

Кстати говоря, это положение не так уж далеко от истины. В настоящий момент оно нередко подтверждается. Например, сейчас на Западе довольно широко обсуждается монография французского экономиста Т. Пикетти “Капитал в XXI веке”, в которой он обосновывает тезис о поляризации доходов и богатства в результате того, что прибыли растут быстрее, чем заработная плата. Существуют различные точки зрения на работу Т. Пикетти, некоторые экономисты утверждают, будто бы его расчеты несостоятельны, но, тем не менее, эта проблема существует.

ИМЭМО сделал очень многое для преодоления догматических представлений о действительности. Как правило, сотрудников нашего Института привлекали к подготовке международного раздела отчетов ЦК партийным съездам. Значение этого документа было чрезвычайно велико – его содержание в последующем во многом определяло содержание работ по общественным наукам. Благодаря ИМЭМО в текст одного из таких документов был внесен тезис о приспособлении капитализма к меняющейся действительности, который открыл для исследований огромные возможности. Я с этим столкнулся таким образом. Защитив докторскую диссертацию, превратил ее в книгу и отнес в издательство “Наука”. Редактор прочитал название “Англия в экономике современного капитализма. Процесс приспособления к новым условиям мирового развития”, поморщился и говорит, что мол, приспособление – это как-то некрасиво. А у меня железный довод: говорю, что в отчетном докладе на последнем съезде партии так было сказано. И это сразу убеждало.

Вы упомянули, что находили в источниках реальные цифры, которые не подходили под идеологические установки. Не могли бы Вы по-

дробнее рассказать, как осуществлялся поиск эмпирической информации и научной литературы для исследований, и были ли проблемы с тем, чтобы найти нужные данные в должном объеме?

В институте существовало две библиотеки. Одна обычная – в ней почти ничего не было, только отечественная пресса и наши книги. И был так называемый спецфонд, или спецхран, – тоже библиотека, где были западные газеты, журналы, монографии. И был такой источник, которым все активно пользовались – это материалы ТАСС, на которых многие политологи писали диссертации. Конечно, у нас были очень ограниченные источники информации. Была система допусков, и, чтобы пользоваться спецхраном, надо было иметь такой допуск.

Иностранная пресса приходила с большим опозданием. Более того, были цензоры, которые смотрели эти публикации и, если там была информация об СССР – независимо, хорошо или плохо о нем писали, – это вырезалось. В некоторых газетах и журналах половина текста отсутствовала. Статистические источники тоже были ограничены и приходили с огромным опозданием. А писать было надо, и иногда требовалось, чтобы работы выходили очень быстро. Я помню, как осенью 1956 г., когда были военные действия на Ближнем Востоке, ЦК потребовал от Института срочно подготовить публикацию о Суэцком кризисе. Великобритания активно участвовала в этом, и на базе нашего сектора ИМЭМО подготовил такую брошюру. Основными источниками были статьи корреспондентов “Правды” и “Известий” – это вся литература.

Было сложно писать экономические обзоры по странам, которые требовались для приложений к нашему журналу. Информации практически не было. Приходилось самому что-то додумывать, как-то соединять имевшиеся скудные данные. Но в этом был и свой плюс. Когда информация ограничена, а тебе нужно написать обзор, то ты пытаешься каким-то образом создать общую картину состояния экономики на основе немногочисленных данных. И эта способность анализировать осталась у многих, кто писал такие обзоры.

Сегодня информации подчас слишком много. И часто сотрудники просто не думают. Они берут информацию из Интернета, готовые таблицы и не всегда понимают, как функционирует рыночная экономика. Это, пожалуй, самый большой недостаток современных исследователей.

Сейчас модно говорить про марксизм-ленинизм все что угодно, но при всех недостатках, догматизме это была какая-то система взглядов. Когда я пришел в институт, здесь были люди, которые знали “Капитал” К. Маркса почти наизусть. Для нашей работы это, очевидно, было не нужно. Но знание “Капитала” позволяло этим сотрудникам глубже понять, что с чем и как взаимосвязано в экономике, как это работает. Сегодня, по-моему, у большинства – особенно если речь идет о молодежи – нет системных знаний. Сейчас много узких специалистов, плохо представляющих себе общеэкономический контекст. Читая многие работы, не всегда понимаешь, как их содержание соотносится с развитием мировой экономики в целом. Я сталкиваюсь с этим и в учебных заведениях, когда пишут диссертации: не могут написать введение, заключение, обосновать, для чего все это.

Вернемся к Вашим исследованиям. Вы всегда интересовались особой сферой международных экономических отношений – финансовыми и валютно-кредитными отношениями. Почему именно эта область привлекла Ваше внимание, ведь в СССР не она была на первых ролях?

Во-первых, моя кандидатская диссертация была посвящена британским страховым компаниям (они относятся к числу небанковских финансовых учреждений). Специфика Великобритании заключается в том, что здесь очень развит финансовый сектор экономики. Процесс “финансиализации” пошел дальше, чем во многих других странах. Специализация Великобритании в международном разделении труда – это в значительной мере финансовая сфера. Лондонский Сити является одним из двух ведущих финансовых центров мира.

Во-вторых, мне всегда импонировала сложность техники финансовых отношений, мне приятно было вникать в связанные с этим тонкости. Я считаю, что без понимания того, что происходит в сфере финансов, вообще довольно сложно понять процессы, идущие в мировой экономике. От уровня развития финансового рынка зависит очень многое в ней. Очень важна роль финансовых учреждений как источников капиталовложений. Необходимо понимать различие между сбережениями и инвестициями и то, каким образом сбережения переходят в инвестиции. Интересно показать, как связаны между собой дисбалансы внутри отдельных стран и глобальные дисбалансы. Это, на мой взгляд, фундаментальные вопросы развития экономики, воспроизводства, поэтому я и стал этим заниматься. Да и сейчас, откровенно говоря, значительную часть времени

дома я занимаюсь именно этими вопросами. В западной литературе исследованию этих вопросов уделяется гораздо больше места, чем у нас.

Давайте вернемся к истории первых лет ИМЭМО. Расскажите, как менялся институт в разные периоды его существования?

Об этом прекрасно написал П.П. Черкасов в монографии “Институт мировой экономики и международных отношений. Портрет на фоне эпохи”. В начале своего существования институт был очень небольшим – наверное, несколько десятков человек. С одной стороны, здесь трудились сотрудники, перешедшие из сектора мировой экономики Института экономики Академии наук. Часть из них ранее работала еще в Институте мирового хозяйства, который возглавлял академик Е. Варга. Это были люди, много повидавшие на своем веку, некоторые из них прошли сталинские застенки. С другой стороны, в ИМЭМО работали новички. Среди них было много молодежи. Помню первое собрание коллектива – мы отмечали 39-ю годовщину Октябрьской революции – сидели за длинным столом в коридоре школьного здания, во главе стола находился наш первый директор А.А. Арзуманян.

Заслуга А.А. Арзуманяна состояла прежде всего в том, что он сумел привлечь в ИМЭМО талантливую молодежь, которая в течение долгого времени образовывала костяк института. Однако по-настоящему ИМЭМО получил международное признание во времена “правления” нашего второго директора Н.Н. Иноземцева. Его вклад в развитие института не оценим. Тогда вышло много коллективных монографий, в которых подвергались критике сложившиеся к тому времени в нашей литературе во многом догматические представления о мировой экономике и политике, по-новому осмысливались происходившие в них процессы.

При Н.Н. Иноземцеве был и один из самых трудных периодов в жизни института. Он стал считаться рассадником либеральных идей в стране, и началась его настоящая травля. Стоял даже вопрос о закрытии ИМЭМО. Помню собрание в конференц-зале, на которое пришел заведующий сектором экономических наук отдела науки ЦК КПСС М.И. Волков. Он зачитал статью из какой-то американской газеты, где было сказано, что среди советских центров, занимающихся общественными науками, ИМЭМО – единственное серьезное научное учреждение. И Волков резюмировал, что если враг хвалит – значит что-то с вами не то. Собственно, это была одна из причин

смерти Н.Н. Иноземцева – человека мужественного, солдата Великой Отечественной.

Забегая вперед, скажу, что научные успехи и достижения ИМЭМО – результат благоприятной атмосферы в коллективе. И здесь многое зависит от руководства. Нам повезло: при всех руководителях Института – А.А. Арзуманяне, Н.Н. Иноземцеве, А.Н. Яковлеве, Е.М. Примакове, В.А. Мартынове, Н.А. Симонии – обстановка в Институте способствовала научному творчеству. Лучшие традиции ИМЭМО сохраняет А.А. Дынкин – человек, бережно относящийся к кадрам, активно привлекающий к работе молодежь и энергично перестраивающий научную проблематику института в соответствии с новыми вызовами нашего времени.

Сфера деятельности Института мировой экономики и международных отношений предполагает, что его сотрудники выезжают за рубеж. Однако в СССР, как известно, с этим было сложно. Расскажите, удавалось ли Вам ездить за границу и как строилось Ваше общение с коллегами из-за рубежа?

Конечно, в советские времена были сложности, начиная с того, что все сотрудники делились на выездных (не знаю почему, но я оказался среди них) и невыездных. Это значительно ограничивало общение большей части людей с иностранцами. В 50–60-е годы выездов было мало. Первая командировка, которую я помню – поездка моего заведующего сектором в 1958 г. в США. Это было целое событие. Я впервые выехал за границу как турист в 1966 г., затем был в Швеции. А потом начались частые командировки, временами ездил в Великобританию два-три раза в год по линии обмена между нашей Академией наук и Британской академией, в рамках “круглых столов” между ИМЭМО и Королевским институтом международных отношений *Chatham House*, о которых я говорил. Это были ежегодные конференции, которые проходили один раз в Москве, один раз в Лондоне в течение многих лет. Я был в США, на Кубе, в большинстве стран Европы, участвовал в многочисленных конференциях, организованных Международной комиссией ученых-экономистов Советского Союза и стран СЭВ. В ходе командировок я имел счастье довольно тесно общаться с такими замечательными людьми, как Г.А. Арбатов, А.Е. Бовин, В.В. Журкин, Н.П. Шмелев, О.Н. Богомолов, С.М. Рогов.

Значительная часть британских ученых, с которыми я встречался за границей, были советологами. С точки зрения приращения знаний беседы с ними мало что давали. Однако, отправляясь в

Великобританию, я направлял в Британскую академию список ученых, с которыми хотел бы поговорить. И, как правило, она удовлетворяла мои просьбы. Полезны были не только сами встречи, но и продолжение общения: британские собеседники присылали книги, журналы, в которых публиковались их статьи.

Конечно, при общении с иностранцами возникали немалые сложности. Естественно, советологов интересовали события в СССР, политика, персоналии. При ответах на их вопросы в тебе постоянно присутствовал “внутренний цензор”. Критические высказывания могли обернуться крупными неприятностями. Осторожным нужно было быть везде, особенно в выступлениях перед нашими сотрудниками за рубежом (например, в посольствах).

Сегодня поездки за границу – это по большей части лишь вопрос денег. А в советские времена им предшествовала длительная процедура. Обязательным было получение характеристики дирекции, парткома и профкома, которая утверждалась на заседании парткома. Необходимо было пройти комиссию старых большевиков при райкоме КПСС (правда, для сотрудников ИМЭМО это делалось как-то автоматически). Нужно было побеседовать с сотрудником Международного отдела Президиума Академии наук, который курировал соответствующее направление. Накануне командировки в бухгалтерии инструктировали о нормах расходования средств: если вы получали за границей денег больше, чем полагалось по норме, то “излишек” следовало возратить в кассу бухгалтерии. Почему-то деньги нельзя было расходовать на литературу. Доходило до курьезов: не разрешалось оплачивать завтрак в гостинице. И хотя все знали, что завтрак входит в стоимость номера, в отчетах указывали, что “завтраками не пользовались”.

По итогам поездки необходимо было составлять отчет о том, с кем встречался, каково отношение собеседников к нашей стране. Кстати, это общепринятая в мире норма. Так, сотрудник нашего института Д. Маклейн, с которым мы тесно сотрудничали, рассказывал, что в британском Форин офис существовала такая же система, и все, кто ездил в заграничные командировки, в своих отчетах писали примерно то же самое.

Конечно же, поездки за границу необходимы для более глубокого понимания своего предмета, особенно специалистам-страновикам. Когда я начинал преподавательскую и лекторскую деятельность, то понимал, что если на вопрос “бывали ли Вы в Великобритании?” я отвечу нет, то меня

и слушать дальше никто не станет. Поэтому я всегда говорил что-то вроде “когда выезжаешь из Лондона на поезде...”, хотя сам там еще не был. Но это придавало уверенности. Позже оказалось, что “урбанистического пейзажа за окном вагона”, о котором я рассказывал студентам и слушателям на лекциях в Москве, на Украине, в Белоруссии, в Туркмении, на самом деле не существовало – вдоль железной дороги в Британии в основном видны поля и леса.

Вы упомянули о своей работе в европейском отделе ИМЭМО. Расскажите поподробнее об истории изучения этого региона в нашем институте. Что изменилось с появлением в системе Академии наук Института Европы в 1987 году?

Тем, кто интересуется историей изучения европейского региона в нашем институте, рекомендую ознакомиться со статьей В. Гутника и Е. Хесина “Европейские исследования: сохранение традиций и новаторские подходы”, опубликованной к 50-летию юбилею Института в журнале “Мировая экономика и международные отношения” (2006, № 3). В ней показано, как менялись задачи европейцев Института, трансформировалась структура подразделений ИМЭМО, занимавшихся изучением региона: от двух секторов – Британской империи, и сектора Западной Европы – до Центра европейских исследований и Отдела европейских политических исследований. Во многом изменения определялись переменами в самом регионе и его положении в мире. В разные годы во главе европейских подразделений стояли И.М. Лемин, А.В. Кирсанов, Я.А. Певзнер, Ю.И. Юданов, В.Н. Шенаев, В.Г. Барановский, А.К. Кудрявцев, которого после отъезда во Францию в 1992 г. сменил я.

В бытность моего руководства Центром (до 1997 г.) в Институте проходили сокращения сотрудников. У нас было свыше 50 сотрудников. Меня вызывали в дирекцию, говорили, что необходимо уволить столько-то человек, иногда даже называли имена, при этом все должно было выглядеть не как решение дирекции, а как собственная инициатива Центра. Пришлось увольнять. Это было очень тяжело. Ведь я не только знал рекомендованных к сокращению как коллег, но работал с ними вместе долгие годы, нередко был в курсе их семейных дел, некоторые из них находились в предпенсионном возрасте. Я не спал ночи и думал, что и как я скажу этим людям. Тогда я понял, что лучше всего быть рядовым сотрудником, отвечающим только за себя.

На смену мне пришел В.П. Гутник – прекрасный человек, разносторонний специалист, интеллектуал. Под его руководством Центр подготовил и опубликовал несколько трудов по проблемам развития европейского региона в конце прошлого – начале нынешнего столетия. После безвременной кончины В.П. Гутника Центр возглавил его ученик – молодой талантливый исследователь А.В. Кузнецов.

Наряду с ЦЕИ европейскими проблемами успешно занимается Отдел европейских политических исследований во главе с Н.К. Арбатовой, которая одновременно руководит чрезвычайно плодотворным “европейским семинаром”.

Многие прекрасные специалисты, исследующие, в том числе, социально-политические проблемы Европы, работают в других отделах Института. Это – неувыдающий С.П. Перегудов, К.Г. Холодковский, И.С. Семенов, М.В. Стрельцова и многие другие. Поэтому, думаю, что повышению уровня исследований Европы способствовало бы возрождение межотдельских страновых групп, долгое время существовавших в Институте.

Сегодня хочется вспомнить имена тех, кто заложил традиции изучения Европы в нашем Институте. Это выдающиеся ученые – германист Е.Л. Хмельницкая, англоведы – А.Г. Милейковский, С.П. Мадзоевский (Д. Маклейн), Ф.Э. Бурджалов, Н.Н. Кричигина, видный исследователь скандинавских стран О.К. Тимашкова, крупный ученый-международник В.И. Гантман. Основоположником изучения малых стран Европы был Ю.И. Юданов. Большой след в исследовании европейской экономики оставил В.Н. Шенаев. Огромный вклад в изучение Европы и Франции внес В.И. Кузнецов. У истоков формирования науки об интеграции стояли М.М. Максимова и Ю.В. Шишков.

Когда появилось Европейское экономическое сообщество, в Советском Союзе относились к нему как к временному явлению. Затем появился штамп, что ЕЭС – это экономический придаток НАТО. Заслуга ученых-европеистов в том, что они обосновали объективную обусловленность создания этой организации и интеграционных процессов в Европе в целом.

Продолжая лучшие традиции прошлого, сотрудники Института активно сочетают историко-социологические, теоретические, методологические и конкретно-эмпирические исследования экономики и политики Европы и отдельных ее стран. Хотелось бы особо отметить, что современные европеисты Института – это сплав опыта

и молодости. Проблемами Европы успешно занимаются как “ветераны” К.П. Зуева, А.В. Авилова, А.М. Волков, К.В. Воронов, Г.Н. Понеделко, О.Н. Трофимова, М.В. Клинова, А.В. Щедрин, Е.Г. Черкасова и др., так и молодые перспективные сотрудники – Ю.Д. Квашнин, С.В. Уткин, Н.В. Тоганова, Е.А. Сидорова и др.

Европеисты ИМЭМО сотрудничают с коллегами из Института Европы, многие из которых в свое время работали у нас: В.П. Федоров, Ю.И. Рубинский, Ю.А. Борко, В.М. Кудров, А.А. Масленников, В.Б. Белов, В.С. Циренщиков и др. Сотрудники ИМЭМО часто входят в число авторов коллективных монографий, подготовленных в этом Институте, участвуют в проводимых там научных дискуссиях. Так, уже в течение многих лет в Институте Европы активно работает “круглый стол” по Великобритании, который в настоящее время ведут директор этого Института А.А. Громыко и Е.В. Ананьева. В нем принимают участие и сотрудники ИМЭМО.

В чем, на Ваш взгляд, заключается основная миссия исследователей-европеистов сегодня?

Во-первых, это, конечно, всестороннее изучение всего региона, глубокое исследование процессов европейской интеграции, их перспектив, места в мировой экономике и политике. Во-вторых, очень важно “держать руку на пульсе” событий в отдельных, притом не только ведущих, государствах Европы. О роли малых европейских стран в экономике региона и мира свидетельствуют последствия кризиса в Греции. Наконец, миссия ученых-европеистов состоит в концептуальном обосновании углубления экономических и политических отношений России и Европы. Институт является активным сторонником приоритетности “европейского вектора”. Анализ всех этих проблем требует, на мой взгляд, более тесного сотрудничества научных подразделений, возглавляемых А.В. Кузнецовым и Н.К. Арбатовой.

Сегодня во многих работах ученых, в информационном пространстве широкое распространение получил тезис о перемещении “центра тяжести” мировой экономики с Запада на Восток, в Азию. На Ваш взгляд, роль Европы в этой ситуации действительно уменьшается, или это все-таки преувеличение?

Если рассматривать в глобальном плане, то действительно происходит постепенное ослабление роли не только Европы, но и всего развитого мира в его нынешних границах. Доля развивающихся государств в мировом ВВП начинает превышать удельный вес развитых стран. Если бы

мы руководствовались идеологемами советского периода, то торжественно объявили бы о начале четвертого этапа общего кризиса капитализма.

Однако заявлять, что центр тяжести мировой экономики и международных экономических отношений уже переместился в Азию, нельзя. Тем более, в последнее время темпы роста развивающихся стран начали снижаться, что естественно. Не говоря уже о структурных и социальных проблемах, которые есть, в частности, в китайской экономике и обществе. Но то, что этот процесс идет – а он может занять очень долгое время – несомненно. Позиции стран и регионов в глобальной экономике не определяются только их долей в мировом ВВП, или капитализацией предприятий или еще чем-то подобным. Эти пропорции, как показывают исследования ИМЭМО, не учитывают качественного содержания самих показателей: самостоятельная у них экономическая модель или подражательная, в какой мере развито наукоемкое производство, какие сегменты экономики преобладают. Поэтому одними лишь цифрами здесь очень трудно что-либо объяснить. Должен быть проведен качественный анализ. У меня нет сомнений в том, что Европа преодолевает переживаемые ею в настоящее время трудности и сохранит за собой положение одного из крупнейших мировых центров силы.

Среди коллег хорошо известен тот факт, что Вы в свое время прогнозировали ипотечный кризис в США, который стал началом мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Не могли бы вы озвучить Ваш сегодняшний прогноз для мировой экономики на ближайшее десятилетие?

Это выдумки, я не предсказывал никакой ипотечный кризис. Дело обстояло так. Один из коллег выступал на ученом совете Института с докладом о финансовых рынках. Он утверждал, что ситуация на этих рынках хорошая, никаких проблем он не видит, развитые страны усвоили уроки предыдущих кризисов, и эффективность финансовых рынков возросла. И я задал ему вопрос, не считает ли он, что сейчас большие проблемы на рынке ипотеки. Что там значительное число

неблагонадежных заемщиков, и большинство из них не сможет отдать кредиты банкам, а те в свою очередь другим финансовым учреждениям, у которых они брали деньги. Он ответил, что ипотека не имеет отношения к финансовым рынкам. Я лишь выразил несогласие с ним, сказав, что ипотечный кризис может иметь разрушительные последствия для всей финансовой системы.

В этой связи еще раз хотел бы подчеркнуть – теоретическим подразделениям Института следовало бы больше внимания уделять анализу воспроизводства, выявлению новых процессов в развитии цикла.

Какое место занимает преподавательская деятельность в Вашей работе?

Я преподаю довольно давно: с 70-х годов работаю в Финансовой Академии. Читал лекции в Дипломатической академии, в МГУ на географическом факультете, до сих пор преподаю и Высшей школе экономики. Работа с молодежью продлевает жизнь, хотя совмещать научную и преподавательскую работу не просто, и чем дальше, тем труднее.

Вы один из самых заслуженных и уважаемых работников нашего Института, и, думаю, многие молодые ученые хотели бы услышать от Вас совет. Что бы Вы им порекомендовали, пожелали, от чего предостерегли?

Больше читать, больше размышлять о прочитанном, не гоняться за количеством публикаций (хотя, к сожалению, существующая система отчетности способствует этому) и больше заботиться об их качестве. А главное, как говорил классик, учиться, учиться и учиться.

Что бы Вы пожелали ИМЭМО в год его 60-летия?

Сохранять лучшие традиции Института, помнить о тех, кого уже нет с нами, тех, кто сделал его таким, какой он есть. Заботиться о ветеранах. Осмыслять происходящие в мире сдвиги на теоретическом уровне. Больше внимания уделять исследованию воспроизводства, циклам, причинам возникновения кризисов, природы дисбалансов в мировой экономике, анализу сферы обращения и услуг. Больше дискуссий. Уметь признавать ошибки.